

*Линкольн Чайлд посвящает эту книгу
своей дочери Виктории*

*Дуглас Престон посвящает эту книгу
Гусси и Джо Станислау*

Изабелла Герреро, известная своим друзьям и одноclubникам по игре в бридж как Айрис, осторожно прокладывала себе путь через поросшее пальмами кладбище Бейсайд. Над ее головой раскинулось бескрайнее небо цвета бледной лазури. Часы показывали половину восьмого, температура воздуха поднялась до двадцати пяти градусов, и роса, которая все еще держалась на широколистной августиновой траве, насквозь пропитала кожаные сандалии Айрис. В пухлой руке женщина держала сумку от «Фенди», а в другой сжимала поводок, слабо натянутый ее пекинесом Твинклом. Айрис опасливо пробиралась между надгробиями и клумбами: всего три недели назад Грейс Манизетти, нагруженная продуктами, потеряла равновесие, возвращаясь из местного супермаркета «Пабликс», и сломала тазовую кость.

Кладбище открылось полчаса назад, и, кроме Айрис, здесь почти никого не было. Ей это нравилось, ведь Майами-Бич с каждым годом становился все более многолюдным. Даже здесь, в Бал-Харбор, на северной оконечности острова, движение на дорогах было более оживленным, чем в перенаселенном Нью-Йорке

времен ее детства, проведенного на бульваре Куинс. А когда несколько лет назад построили этот жуткий молл на Девяносто шестой улице, стало еще хуже. Помимо прочего, с юга начали проникать нежелательные элементы с их магазинами шаговой доступности и casa здесь, tienda¹ там. Слава богу, Фрэнсису хватило ума купить кондоминиум на Гранд-Палмс-Атлантик, прямо на берегу Сёрфсайда и в безопасном от посягательств месте.

«Фрэнсис...» Айрис уже видела впереди его могилу, надгробие, слегка выбеленное флоридским солнцем, на чистом и аккуратном участке — она позаботилась об этом. Твинкл, знающий, что место их назначения уже неподалеку, прекратил дергать поводок.

Ей было за что благодарить Фрэнсиса. За три года, прошедшие с того дня, как он покинул ее, она лишь острее стала понимать, насколько благодарна ему. Именно Фрэнсису хватило ума перевести мясницкий бизнес его отца из Нью-Йорка на побережье Флориды в те времена, когда земля в этой части Коллинз-авеню все еще была невостребованная и недорогая. Именно Фрэнсис аккуратно выстраивал бизнес в течение многих лет, учил Айрис пользоваться весами и кассовым аппаратом, учил определять названия и качества различных сортов вырезки. Именно Фрэнсису хватило чутья продать бизнес в правильное время — в 2007 году, после чего цена на собственность пошла вниз. Огромная прибыль, полученная ими, не только позволила купить кондоминиум на Гранд-Палмс (по минимально возможной цене год спустя), но и обес-

¹ Дом, лавочка (*исп.*).

печила им безбедную жизнь на протяжении долгих лет. Кто же мог знать, что Фрэнсис так скоро умрет от рака поджелудочной железы?

Айрис подошла к могиле и остановилась на минуту, чтобы оглядеть кладбище и насладиться окружающим видом. Несмотря на толпы народа и интенсивное уличное движение, зрелище все еще оставалось умиротворяющим: шоссе Кейн-Конкорс дыбилось мостом над Харбор-Айленд в направлении материка, белые треугольники парусов тут и там пятнали залив Бискейн. И повсюду царили теплые пастельные тона. Кладбище являло собой оазис спокойствия, в особенности ранним утром, когда даже в марте — в пик туристического сезона — Айрис была уверена, что сможет провести в раздумьях некоторое время у могилы покойного мужа.

Маленькая ваза с искусственными цветами, поставленная у надгробия, немного покосилась, наверняка после бушевавшего здесь позавчера тропического шторма. Хотя у Айрис ныли колени, она опустилась на них возле могилы, поправила вазу, вытащила из сумочки носовой платок, отерла цветы и начала приводить их в порядок. Она почувствовала, как Твинкл снова натягивает поводок, еще сильнее, чем прежде.

— Твинкл! — проворчала она. — Нельзя!

Фрэнсис ненавидел кличку Твинкл — сокращение от Твинкл Туз¹ — и всегда называл собачонку Тайлером, по названию улицы, на которой вырос. Но Айрис предпочитала Твинкл, и теперь, когда Фрэнсис ушел, ей почему-то казалось, что он бы не стал возражать.

¹ Английскую кличку Twinkle Toes можно перевести как Шустрые Ножки или Торопыжка.

Она вдавила вазу в землю, закрепляя ее, пригладила траву вокруг и откинулась назад, чтобы восхититься своей работой. Краем глаза она заметила какое-то движение, — наверное, это смотритель, а может, другой скорбящий пришел поплакать над могилой родственника. Время уже приближалось к восьми, и, в конце концов, кладбище Бейсайд было единственным на острове; вряд ли Айрис могла рассчитывать, что оно будет принадлежать ей одной. Она прочтет молитву, ту самую, которую они с Фрэнсисом всегда читали вместе, прежде чем отойти ко сну, а потом отправится назад на Гранд-Палмс. В десять состоится заседание совета кондоминиума, и у нее найдется несколько слов о состоянии зеленых насаждений около въездной дорожки.

Твинкл продолжал настойчиво дергать поводок, а теперь еще и затыкал. Айрис снова прикрикнула на пекинеса. Это было на него не похоже, обычно он вел себя хорошо. Правда, случилось, что котяра породы русская голубая из квартиры 7В выводил его из себя. Пока Айрис поднималась на ноги, повторяя про себя слова молитвы, Твинкл улучил момент, сорвал поводок с запястья хозяйки и понесся по мокрой траве, волоча за собой поводок и заливаясь лаем.

— Твинкл! — громко позвала его Айрис. — Немедленно вернись!

Собачонка резко остановилась у надгробия в соседнем ряду. Даже на расстоянии Айрис видела, что камень там старше, чем на могиле Фрэнсиса, но ненамного. У основания были разбросаны свежие цветы и валялась какая-то записка. Но не это привлекло вни-

мание Айрис: цветы и записки, а также самые разные памятные вещицы лежали чуть ли не на половине могил в Бейсайде. Нет, ее озадачило поведение Твинкла. Он явно нашел что-то у основания надгробия и поднял из-за этого шум. Айрис не могла разглядеть, что он там обнаружил, но песик присел над своей находкой, принюхивался, лизал ее.

— Твинкл!

Это было совершенно неприемлемо. Меньше всего Айрис хотела устраивать сцену в месте упокоения. Что он там нашел — старую собачью игрушку? Кусочек конфеты, выпавшей из руки проходившего здесь ребенка?

Ладно, молитве придется подождать, а сейчас надо побыстрее схватить поводок.

Спрятав носовой платок в сумку, Айрис направилась к Твинклу. Но не успела она приблизиться, бранясь и фуфукая, как собачка схватила зубами свою находку и понеслась прочь. Айрис, смущенная и негодующая, увидела, что ее пекинес исчез в рожице капустных пальм.

Она раздраженно вздохнула. Фрэнсис не одобрил бы этого, он всегда считал, что собаки должны быть послушными. «Глупый маленький барбос» — так бы он сказал. Ну хорошо, сегодня она поучит Твинкла уму-разуму: никакого сладкого печенья вдобавок к его обычному корму.

Бормоча себе под нос недовольные слова, Айрис пошла в ту сторону, где исчез пекинес, и остановилась возле деревьев. Огляделась вокруг, но Твинкла нигде не было видно. Она открыла было рот, чтобы позвать

его, но передумала — все-таки это кладбище. Беготня за собакой, сорвавшейся с поводка, здесь выглядит неприлично. Кроме того, движение, которое она заметила ранее, теперь обрело материальные очертания. У могилы слева от нее стояли полукругом трое: две девочки и мужчина средних лет. Устраивать при них сцену — нет уж, увольте.

И в этот момент Айрис увидела скачущий пушистый комок — это был Твинкл. Он находился ярдах в двадцати от нее, там, где территория кладбища спускалась к воде, и неистово раскапывал клумбу амариллисов. Земля разлеталась во все стороны.

Это было хуже некуда. Прижимая к себе сумку, Айрис со всех ног поспешила к собаке. Пса настолько поглотили раскопки, что он даже не заметил хозяйку. Она подошла сзади, схватила поводок и дернула. Твинкл, удивленный, сделал полупрыжок через голову, но, хотя она и потащила его прочь, отказался разжать зубы и выпустить свою находку.

— Плохая собака! — громко, насколько могла себе позволить, выговаривала ему Айрис. — Плохая собака!

Она попыталась вытащить находку из его зубов, однако пес отвернул голову. Штука эта была размером с детский мячик, но настолько плотно покрыта землей и собачьей слюной, что Айрис не могла определить, с чем же играет Твинкл.

— Брось, ты меня слышишь?

Твинкл зарычал, когда Айрис снова протянула руку к его пасти, но на сей раз она сумела ухватить его добычу за край. Она знала, что пес ее не укусит, нужно просто вытащить эту штуку из его пасти. Но собачья находка оказалась отвратительно скользкой, и он цеп-

ко сжимал ее челюстями. Началось противостояние: Айрис тащила собаку к себе, Твинкл сопротивлялся, упирался лапами в траву. Она кинула взгляд через плечо, однако группа у другой могилы ничего не замечала.

Отвратительное состязание в силе продолжалось почти тридцать секунд, но в конечном счете находка оказалась слишком велика для маленьких челюстей собаки, и Айрис удалось вырвать ее из собачьей пасти. Она выпрямилась, убедившись сначала, что ремешок сумки и поводок надежно намотаны на запястье, и тут поняла, что собачья находка представляет собой кусок мяса. Пока она пыталась отнять его у собаки, изнутри выдавился красноватый сок, оставивший след на ее руке и испачкавший морду Твинкла. Она сразу же увидела, какой это необычный кусок мяса — плотный, кожистый. Почувствовав отвращение, она уже хотела бросить его, но ведь Твинкл сразу же схватил бы его снова.

Пес тявкал и подпрыгивал, требуя вернуть ему добычу. Айрис вытащила из сумочки носовой платок и начала оттирать находку пса. Как кусок мяса мог оказаться на могиле?

Она очистила одну сторону и увидела короткую алую трубку, похожую на шланг радиатора. Женщина застыла от ужаса. Она достаточно долго пробыла замужем за мясником, чтобы определить совершенно точно, что за предмет она держит в руках. Это был какой-то сон, кошмарный сон, такое просто невозможно.

Ощущение нереальности длилось доли секунды. Завизжав от ужаса, Айрис уронила находку, словно та обожгла ее. Пес мгновенно ухватил ее своими

челюстями, перепачканными кровью, и снова вырвался на свободу с видом победителя, волоча за собой поводок. Но Айрис даже не заметила этого. У нее в ушах раздался странный рев, и внезапно ее захлестнуло горячей волной. Перед глазами заплясали черные точки. Рев становился все громче, и последнее, что она увидела, прежде чем без сознания упасть на землю, была бегущая к ней от другой могилы группа людей.

2

Ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт, облаченный лишь в обернутое вокруг талии влажное полотенце, расслаблялся в сауне со стенками, обитыми кедровой доской. Сауна была большая, с двумя рядами скамеек, и почти пустая: кроме Пикетта, здесь находился только один человек, молодой и высокий, с мощной грудью пловца, сидевший в дальнем конце, возле двери. Сам Пикетт выбрал место рядом с ковшем с водой, которая позволяла поддерживать в сауне нужную влажность и температуру. Пикетт предпочитал управлять ситуацией в любом месте, где бы он ни оказался.

На скамье рядом с ним, защищенный прозрачным пластиковым файликом, лежал лист бумаги.

Пикетт посмотрел на висящий на стене термометр, покрытый каплями воды, отчасти ухудшавшими видимость: стрелка остановилась на приятных семидесяти четырех градусах.

Сауна соседствовала с раздевалкой и душевым блоком, расположенными в глубине здания Федеральной вспомогательной поддержки на Уорт-стрит. Во «Вспомогательной поддержке» имелись не только самые

разнообразные сопутствующие кабинеты, но также стрелковый тир и такие достижения цивилизации, как сквош-корт, бассейн и, разумеется, сауна — и все это за углом от его офиса на Федерал-плаза, 26. Это, конечно, был большой шаг вперед по сравнению со спартанским офисом ФБР в Денвере, где Пикетт служил в качестве специального агента, возглавляющего отдел, и откуда его перевели три месяца назад.

После окончания академии Пикетт быстро рос, сделал себе имя в отделах контршпионажа и противодействия незаконному предпринимательству, а также в отделе внутренних расследований. Но его постоянно манила другая должность: глава нью-йоркского отделения, одна из по-настоящему ведущих позиций в Бюро и логическая ступенька в Вашингтон. Все теперь зависело от того, как он будет руководить отделением и какие очки заработает на громких делах... и Пикетт не сомневался, что и то и другое у него получится.

Он откинулся назад к стене, прижавшись голыми плечами к горячему дереву. Он чувствовал, как его поры открываются во влажной жаре. Приятное ощущение. Пикетт прикрыл глаза и погрузился в раздумья. Он ни секунды не сомневался в своих способностях, к тому же он старательно избегал тех вещей, которые на его глазах повергали в прах многих других талантливых агентов, — его нельзя было назвать ни хвастуном, ни обычным карьеристом, ни солдафоном. Одним из самых важных для него постов была должность в отделе допроса особо ценных задержанных, где он провел после академии несколько лет, сформировавших его. Благодаря этому и службе в отделе внутренних расследований он достиг такой степени

психологического прозрения, какую редко встретишь среди руководителей Бюро. С тех пор он эффективно использовал полученные им знания о человеческом поведении и природе убеждения.

Заняв пост в нью-йоркском отделении, Пикетт обнаружил, что в нем царит разброд. Дисциплина упала, норма раскрываемости опустилась ниже средней. В отделении преобладали работники, протиравшие штаны в кабинетах. Последнюю проблему Пикетт решил посредством ряда переводов и ранних отставок. По природе он не был микроменеджером, но он не пожалел времени на то, чтобы вникнуть в работу всех секций отделения, найти там наиболее перспективных сотрудников и доверить им позиции с большей ответственностью, даже в обход их коллег с большим стажем работы. Превращение офиса в настоящую меритократию позволило решить проблемы с дисциплиной. Несмотря на его прежнюю службу в отделе внутренних расследований (как и все сотрудники правоохранительных органов, агенты ФБР не доверяли людям, которые занимались внутренней безопасностью), Пикетт завоевал авторитет и преданность среди подчиненных. Его трудами нью-йоркское отделение превратилось в работающую, хорошо смазанную машину. Даже раскрываемость стала расти сама собой. Пикетту удалось всего за один сезон переломить тенденции. Он хорошо проделал свою работу, но тщательно скрывал малейшее довольство собой.

Несмотря на все успехи, оставалась еще одна проблема, с которой предстояло разобраться: нелегкий кадровый вопрос, унаследованный им от предшественника. Пикетт оставил эту проблему напоследок.

За годы службы ему не раз приходилось иметь дело с трудными агентами. Из своего опыта он знал: это либо несоциализированные одиночки, либо обиженные, пришедшие в Бюро с большим личным багажом. Если такие люди становились мертвым грузом и мешали работе, он не колеблясь переводил их куда подальше: в конце-то концов, в Небраске ведь тоже требуются агенты. Если же они имели хорошие задатки или впечатляющий послужной список, то функции Пикетта сводились к исправительному воздействию. Он выдавливал таких ребят из их комфортной зоны, окунал в неожиданную для них среду, давал им совершенно новые задания. Убеждал, что им открыты все дороги. Такая методика показала себя эффективной при воспитательных беседах и расследованиях нарушений внутренней дисциплины, не менее эффективно проявила она себя и при возвращении вышедших из-под контроля агентов в семью ФБР.

Если личное дело этого агента соответствовало действительности, то его можно было считать самым необузданным из необузданных. Но Пикетт изучил его досье (по крайней мере, его незасекреченную часть) и наметил пути решения проблемы.

Он посмотрел на часы: ровно час дня. И тут, словно по сигналу, дверь открылась, и в сауну вошел человек. Пикетт оглядел его с отработанным безразличием, и ему пришлось сделать усилие, чтобы не вытаращить глаза. Человек был высоким, худощавым, с аккуратно подстриженными волосами почти снежной белизны. Его серебристые глаза смотрели таким холодным и непроницаемым взглядом, словно были высечены из льда, который и напоминали. Но главное, вместо того

чтобы войти раздетым, в обернутом вокруг талии полотенце, этот человек остался в черном костюме, безукоризненно сшитом и застегнутом на все пуговицы, и в белой крахмальной рубашке с идеально завязанным галстуком. Его дорожные туфли ручной работы были отполированы до блеска. Из всех мыслей, какие могли прийти во временно парализованную голову Пикетта, самая главная была такая: «Неужели он и в самом деле прошел в таком виде по раздевалке, душевой и бассейну?» Можно было только представить, какая поднялась суета, пока агент прорывался в сауну полностью одетый, нарушая все правила.

Другой человек, сидевший в сауне у двери, поднял глаза, удивленно нахмурился и снова уставился вниз.

Пикетт сразу же пришел в себя. Он знал, что у этого агента репутация чудака. Именно поэтому он не просто решил изменить должностные обязанности агента, но и выбрал для разговора сауну. Согласно его опыту, необычные ситуации — как, например, разговор нагишом в сауне — помогали лишить проблемного субъекта уверенности и обеспечить себе победу.

Теперь ему ничего не оставалось, кроме как пустить все на самотек.

Прежде чем начать говорить, Пикетт взял деревянный ковшик, зачерпнул из бочки воду и плеснул на камни сауны. Помещение наполнилось достаточно густым облаком пара.

— Агент Пендергаст, — ровным голосом проговорил Пикетт.

Человек в черном кивнул:

— Сэр.

— За душевой имеется раздевалка с несколькими рядами шкафчиков. Вы бы не хотели переодеться?

— В этом нет необходимости. Тепло идет мне на пользу.

Пикетт оглядел агента с ног до головы:

— Тогда садитесь.

Агент Пендергаст взял полотенце из стопки у двери, подошел, протер от влаги скамью рядом с Пикеттом, потом аккуратно сложил полотенце и сел.

Пикетт постарался сделать вид, что ничуть не удивлен.

— Прежде всего, — начал он, — я хочу выразить вам мои соболезнования в связи со смертью Говарда Лонгстрита. Он был превосходным директором по разведке, а для вас, насколько мне известно, кем-то вроде наставника.

— Он был лучшим из людей, каких я знал, кроме одного.

Это был не тот ответ, которого ожидал Пикетт, но он кивнул и оставил в силе свою повестку.

— Я уже некоторое время собирался встретиться с вами. Надеюсь, вы не возражаете, если я буду говорить прямо.

— Отнюдь. В отличие от ножей, прямые разговоры позволяют быстрее закончить дело.

Пикетт внимательно посмотрел на Пендергаста — нет ли на его лице какого-либо намека на неповиновение, но лицо было абсолютно бесстрастным. Пикетт продолжил:

— Наверное, я не удивлю вас, если скажу, что за те несколько месяцев, пока я возглавляю нью-йоркское отделение, я много слышал о вас — как официально, так и неофициально. Если откровенно, то у вас репу-

тация одинокого волка, у которого при этом очень высок процент успешных дел.

Пендергаст принял комплимент с коротким кивком, наподобие того, что делают партнерше перед началом вальса. Все его движения были выверенными, как и его речь, и кошачьими, словно он подкрадывался к жертве.

Теперь Пикетт предъявил оборотную сторону комплимента:

— Но у вас также необычайно высокий процент подозреваемых, которые не доходят до суда, потому что, выражаясь на языке ФБР, «отправляются в мир иной в процессе расследования».

Еще один грациозный кивок.

— Исполнительный заместитель директора Лонгстрит был не только вашим наставником, но и ангелом-хранителем в Бюро. Насколько я понимаю, он не подпускал к вам комиссию по расследованиям, защищал ваши наиболее неординарные действия, прикрывал вас сзади. Но теперь, когда Лонгстрита нет, высокие чины пребывают в некоторой растерянности... я хочу сказать, не знают, как быть с вами дальше.

Пикетт ожидал увидеть в глазах агента искорку озабоченности. Но ничего такого не заметил. Он взял ковшик, плеснул еще порцию воды на камни. Температура в сауне поднялась до жарковатых восьмидесяти двух градусов.

Пендергаст поправил галстук, поменял местами ноги, закинутые одна на другую. Казалось, он даже не вспотел.

— Короче говоря, мы пока решили дать вам свободу рук в том, что удастся вам лучше всего: расследование психологически неясных убийств теми методами,

которые прежде приносили вам успех. С несколькими оговорками, конечно.

— Конечно, — согласился Пендергаст.

— А это выводит нас на ваше следующее задание. Сегодня утром на могиле в Майами-Бич найдено человеческое сердце. Могила принадлежит некой Элизе Бакстер, которая удушила себя простыней в Катадине, штат Мэн, одиннадцать лет назад. На могиле...

— Почему миз Бакстер похоронили во Флориде? — мягко прервал его Пендергаст.

Пикетт помедлил. Он не любил, когда его прерывают.

— Она жила в Майами. В Мэн поехала отдохнуть. Семья переправила тело домой для захоронения. — Он помолчал, чтобы убедиться, что не последует никаких других вмешательств, потом взял лист в файлике. — На могиле лежала записка. Она гласила... — Он посмотрел на бумагу. — «Дорогая Элиза, извини за случившееся с тобой. Мысль о том, как ты, вероятно, страдала, много лет преследовала меня. Я надеюсь, ты примешь этот дар с моими искренними соболезнованиями. Давай тогда пойдем с тобой вместе, ты и я... другие тоже ожидают подарков». Под посланием подпись: «Мистер Брокенхартс»¹.

Пикетт замолчал, чтобы дать Пендергасту время осмыслить услышанное.

— Весьма любезно со стороны мистера Брокенхартса, — сказал Пендергаст секунду спустя, — хотя его подарок свидетельствует о дурновкусии.

Пикетт прищурился, хотя на его ресницах повисли капли пота, но так и не заметил ни малейшего намека

¹ Фамилия со смыслом: Brokenhearts означает «разбитые сердца».

на неподчинение. Агент сидел свежий как огурчик, не смотря на жару.

— Сердце обнаружила посетительница кладбища сегодня утром, около семи сорока пяти. В десять тридцать под кустом на променаде Майами-Бич, в десяти милях к югу, нашли тело женщины. Ее сердце было вырезано. Полиция Майами-Бич все еще работает на месте преступления, но одно нам уже известно: на могиле было найдено сердце именно этой убитой.

И тут Пикетт впервые увидел, как что-то вспыхнуло в глазах Пендергаста — искорка, словно бриллиант повернули к свету.

— Мы не знаем, что связывало Элизу Бакстер и убитую сегодня женщину. Но какая-то связь должна быть, это представляется очевидным. И если упоминанию «других» в записке можно доверять, то следует ожидать новых убийств. Элиза Бакстер умерла в штате Мэн, и, хотя ее смерть считается самоубийством, межштатская юрисдикция означает, что в расследовании участвуем и мы. — Он положил файл на скамью, подтолкнул к Пендергасту. — Завтра с утра вы отправляетесь в Майами на расследование.

Глаза Пендергаста по-прежнему сверкали.

— Отлично. Просто превосходно.

Но когда агент протянул руку к файлику, Пикетт прижал лист бумаги к скамье:

— Еще кое-что. Вы будете работать с напарником. Пендергаст замер.

— Я здесь уже упоминал об оговорках. Эта — самая крупная. Говарда Лонгстрита, который прикрывал вас с тыла, больше нет, агент Пендергаст. Он больше не наставит вас на путь истинный, когда вы пуститесь во

все тяжкие. Бюро не может игнорировать ваши примечательные достижения. Но не может игнорировать и высокую смертность среди ваших подследственных. Поэтому мы прикрепляем к вам напарника, что, конечно, является обычной практикой ФБР. Я назначаю вам в напарники одного из самых проницательных молодых агентов. Вы, естественно, будете ведущим в этом деле, но он будет помогать вам на каждом шагу. Он будет функционировать и как внимательный слушатель, и, при необходимости, как дотошный проверяльщик. И кто знает, возможно, вы оцените такое сотрудничество.

— Я полагаю, что мой послужной список говорит сам за себя, — произнес Пендергаст тем же тягучим шелковым голосом. — Я лучше всего работаю в одиночку. Напарник может стать мне помехой.

— Мне казалось, вы неплохо работали в паре с одним нью-йоркским копом, как там его имя — д'Агоста?

— Д'Агоста — исключительный случай.

— Человек, о котором я вам говорю, тоже исключительный. Но давайте ближе к делу. Это неременное условие. Либо вы принимаете напарника, либо мы поручаем дело кому-то другому.

«И подвешиваем вас в состоянии неопределенности, пока не возьметесь за ум», — подумал про себя Пикетт.

Во время этой короткой речи на лице Пендергаста возникло некое выражение, очень странное выражение, — Пикетт, невзирая на весь свой обширный психологический опыт, не сумел его определить. Несколько секунд единственным звуком в сауне оставалось шипение камней.